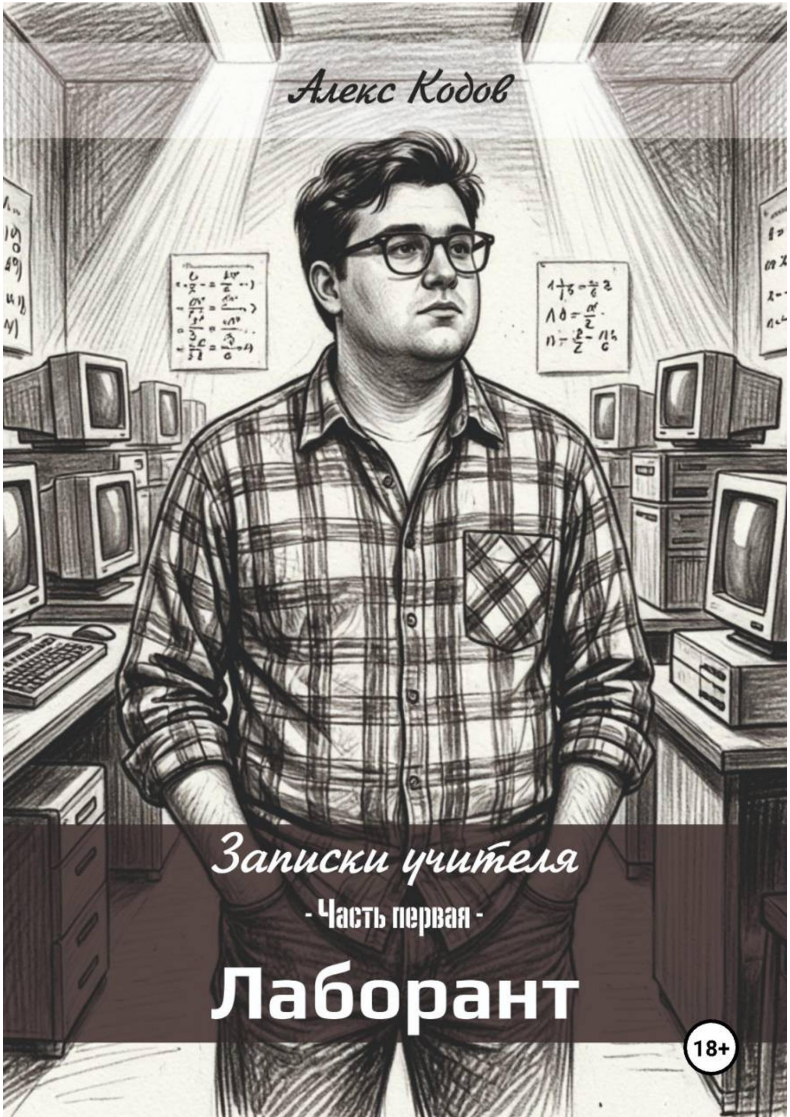
Алекс Кодов
Записки учителя
- Часть первая -
Лаборант
18+

Алекс Кодов
Лаборант

https://litres.ru/74811683
SelfPub; 2026

Аннотация

1997 год. У Алекса Кодова — красный диплом, мечты об айтишной карьере и повестка в военкомат. Вот только призыв закончился две недели назад, а повестку всё равно выдали. Свободен до осени — и совершенно свободен внутри.

Вместо «властелина цифровых миров» — скромная должность лаборанта в профессиональном лицее, который все вокруг упорно зовут пэтэушкой. Тридцать допотопных компьютеров, два Pentium II «не трогать», заведующая с вечной угрозой «съешь потерянный винтик» и наставник, для которого телетайпы — отдельная вселенная.

А дальше — первый учебный год, непонятная болезнь и военкомат снова. Тёплая и смешная история о том, как в 90-е начиналась взрослая жизнь: не с фанфар, а с продувки пыли из системного блока.

Содержание

Записки учителя. Часть первая. Лаборант. 4
Глава 1. Июнь 1997-го: красный диплом, военкомат и три версии 4
Глава 2. Конец августа: явление в лицей 15
Глава 3. Битва с пылью, грязью и винтами 27
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Алекс Кодов
Лаборант

Записки учителя. Часть первая. Лаборант.

Глава 1. Июнь 1997-го: красный диплом, военкомат и три версии

Июнь 1997-го выдался жарким: асфальт плавился под ногами, воздух стоял густой и вязкий. Но ещё жарче было у меня в голове — там, под копной волос, которые тогда ещё не начали редеть, происходила смена эпох.

В тот день я, Алекс Наумович Кодов, окончательно переступил черту между студенчеством и взрослой жизнью. У меня в руках был не просто документ — красный диплом техника-программиста. По тем временам это звучало почти как титул «властелин цифровых миров», хотя до современных айтишников нам было далеко.

Я держал диплом и чувствовал себя если не Тони Старком, то уж точно его дальним родственником из глубинки. Знания бурлили во мне, требуя применения, амбиции рас-

правляли крылья — казалось, ещё чуть-чуть, и я начну менять мир прямо отсюда, с этого тротуара.

Но реальность оказалась прозаичнее и пахла казённым сукном.

На следующий день после выпускного, где мы, как полагается, отметили дипломы дешёвым шампанским, в дверь позвонили. Я открыл, предвкушая что-то грандиозное — может, предложение работы от крупной компании. На пороге стоял не сияющий рекрутёр, а хмурый мужчина с бумагами.

Военкомат.

Армия.

Родина требовала своего, а я, Алекс Кодов, недавний выпускник, оказался перед призывом, который принял бы любой патриот — ну, или по крайней мере человек, не желающий проблем с законом.

«Готов служить», — мысленно произнёс я, хотя в глубине души понимал: мечты об айтишной карьере придётся отложить. Впрочем, может, именно в армии найдётся применение моим знаниям? Хотя вряд ли: программистов там не ждали...

Военкомат встретил меня знакомой смесью запахов: хлорка, старая бумага и канцелярская пыль. За столом в кабинете восседал майор Сергей Петрович Иванов. На его лице читалась усталость человека, который уже видел тысячи таких, как я, — молодых специалистов, мечтающих о великих свершениях.

Он медленно крутил в руках мой диплом и повестку, будто это были странные артефакты из чужой цивилизации.

— Значит, программист? — произнёс он с таким выражением, будто я признался, что умею колдовать.

— Так точно! — выпалил я с энтузиазмом, который, видимо, только усилил его скептицизм. — Алгоритмы, структуры данных, языки программирования!

— Алгоритмы, говоришь... — майор почесал затылок, подозрительно щурясь. — А в армии алгоритмы тоже есть. Вагон и маленькая тележка. Бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай. Вот такой армейский алгоритм.

Я с трудом сглотнул. Перспектива поменять клавиатуру на лопату, а монитор на каску не вдохновляла. Встал по стойке смирно и молча ждал. Единственным местом, где программисту могло найтись дело, виделся штаб — может, там ещё сохранились компьютеры.

Майор методично перелистывал мои документы, будто впервые в жизни видел диплом техника-программиста: взгляд скользил по строчкам, возвращался, снова всё перепроверял. Потом он поднял глаза на меня, снова уткнулся в бумаги. В кабинете повисла пауза — только тикали старые часы на стене.

Наконец майор тяжело вздохнул, словно принимая непростое решение.

— Так, — начал он, не глядя на меня. — Тут у нас... — он замялся, будто подбирая слова. — В общем, не берут тебя.

Я замер, не веря своим ушам.

— В смысле — не берут? — переспросил я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— В прямом смысле, — ответил майор, пожав плечами. — Не берут. Призыв закончился. Две недели назад. Все, кого нужно было призвать, уже призваны. А ты... — он указал на повестку, — опоздал.

— Как — опоздал? — я всё ещё не мог осознать происходящее. — Но мне же повестку выдали! Вот она!

— Выдали, — согласился майор, не отрывая взгляда от документа. — А призыв закончился. Бывает такое. Бумажки есть, а призыва нет. Или призыв есть, а бумажек нет. Военный бардак, он такой...

Я стоял, пытаясь осмыслить случившееся. Минуту назад готовился к армии — а теперь был свободен. Почему? Как так вышло? Вопросы крутились в голове, но майор уже потерял ко мне интерес и погрузился в следующие документы.

— А что мне теперь делать? — спросил я, чувствуя, как внутри нарастает паника.

— Да ничего особенного, — ответил майор Иванов с поразительным спокойствием. — Ждать придётся. До осени. Как начнётся новый призыв — тогда и заходи. Хотя и там не факт, что возьмут, но шанс будет. А пока что ты нам не нужен.

Он взял мою повестку, достал тяжёлый штамп и с размахом поставил его, потом протянул документ обратно.

— Свободен, — произнёс он буднично. — До осеннего призыва.

Я машинально взял повестку. Столько мыслей, планов, приготовлений — и всё оказалось ненужным. Теперь у меня было три месяца свободы, к которой я совсем не был готов.

Морально к службе я готовился все эти три месяца: представлял форму, подъём по команде, наряды. А вышло, что просто опоздал — как пассажир на последний поезд.

Я вышел из военкомата, сжимая повестку, будто она могла дать ответы на все вопросы. Но сколько я ни размышлял, тайного смысла не находилось.

Солнце светило ярко, асфальт всё так же плавился, но день уже был другим. Времени было много. Слишком много.

Официального объяснения я так и не получил — ни бумаг, ни разъяснений. Просто сухое: «Призыв закончился. Свободен» — и всё.

И тут началось самое интересное — время для догадок.

Первая версия — чисто бюрократическая. Возможно, призыв действительно завершился ещё в мае, а повестки продолжали рассылать по инерции. Видимо, в военкомате сначала отправляют документы, а потом думают о последствиях. Или наоборот. Главное — не одновременно.

Вторая версия — для любителей теорий заговора. Может, майор Иванов, увидев диплом, решил: если призвать такого программиста сейчас, то за лето он станет ещё умнее и опаснее для «стратегического баланса». Поэтому лучше от-

ложить до осени, когда мозг немного остынет от безуспешных поисков работы. А фраза про «закончившийся призыв» — просто удобная отговорка.

Третья версия — самая правдоподобная. Возможно, майор просто устал. Он посмотрел на меня, на очередь таких же «ценных кадров», на летнюю жару — и решил проявить своеобразное милосердие. Не из гуманизма, а чтобы я сам понял: армия — ещё не самое страшное испытание. Самое страшное — поиск работы в 1997 году, когда даже диплом техника-программиста не давал никаких гарантий.

Чтобы не сидеть на шее у родителей и не тратить их запасы гречки, я решил искать работу. Первым делом купил газету объявлений — в те времена это была своего рода библия для всех, кто искал работу. «Работа. Учёба. Досуг» — три магических слова, обещавшие новые возможности.

Листая пожелтевшие страницы, я вдыхал запах типографской краски, смешанный с чужими несбывшимися надеждами.

Подходящих объявлений нашлось всего три. Первое требовало «программиста со знанием 1С и офисных программ, а также с умением ездить на дачу к директору». Второе искало «программиста-менеджера по продажам с личным автомобилем». Третье звучало особенно обнадёживающе: «Требуется человек, который умеет включать компьютер. Зарплата по результатам собеседования».

Стало очевидно: рынок труда ещё не был готов оценить

мой диплом по достоинству.

Объявлений всё-таки было четыре. Четвёртое гласило: «Требуется рекламный агент. Высокий доход. Гибкий график. Обучение за счёт компании».

Обещания — только на бумаге. Реальность ждала в полуподвале: тесный офис, стены в кричащих плакатах «ТЫ МОЖЕШЬ ВСЁ!», «НЕ СДАВАЙСЯ!», «ПРОДАЙ РЕКЛАМУ МАМЕ».

Руководил всем этим балаганом Валера — энергичный молодой человек в дорогом галстуке, который, казалось, стоил больше, чем вся мебель в офисе вместе взятая. Он говорил так убедительно, что на мгновение даже я почти поверил в эту сказку.

— Ты станешь голосом нашего издательства! — с энтузиазмом провозгласил Валера.

— Какого издательства? — уточнил я, пытаясь разглядеть хоть что-то серьёзное в этой обстановке.

— Газеты объявлений! — с гордостью продемонстрировал он тоненькую газетёнку, где реклама занимала даже оборотную сторону обложки.

— А как насчёт зарплаты? — поинтересовался я, начиная подозревать подвох.

— Процент с продаж! — Валера многозначительно поднял палец вверх. — Первую неделю работаешь за идею, а потом... потом ты будешь купаться в деньгах!

Уже тогда я начинал понимать, что попал в сетевой мар-

кетинг, замаскированный под серьёзную работу. Но выбора не было: на что-то жить надо, а других предложений не предвиделось.

Вооружившись стопкой газет, я отправился навстречу первой рабочей неделе. Точнее — в череду неудач и разочарований.

Первым пунктом маршрута значилась строительная фирма. Войдя в кабинет, я с наигранной уверенностью представился и сразу перешёл к делу, расхваливая преимущества сотрудничества.

— Прайс-лист имеется? — поинтересовался собеседник.

— Разумеется! — бодро ответил я, мысленно проклиная свою самоуверенность.

— И где же он?

— Э-э-э... Он сейчас в процессе разработки.

— А вы, значит, рекламный агент?

— Да, именно так.

— И почему же у вас нет прайс-листа?

— У нас индивидуальный, творческий подход к каждому клиенту! — выпалил я первое, что пришло в голову.

После этой фразы меня вежливо, но твёрдо выпроводили за дверь.

Три дня «геройских» продаж принесли впечатляющие результаты: ноль контрактов, ноль заработанных денег и ноль уверенности в своих силах. Единственное, что я приобрёл за это время, — понимание: продавать воздух можно, толь-

ко если ты прирождённый манипулятор вроде Валеры. А я к этой категории явно не относился.

В отчаянии я снова развернул газету — и взгляд зацепился за скромное объявление: «Профессиональному лицею требуется лаборант в компьютерный класс. Знание ПК обязательно».

«Профессиональный лицей» — звучало солидно, почти как «академия» или «университет». На мгновение я даже позволил себе помечтать: вот я иду по мраморной лестнице, вокруг — профессора в мантиях, в воздухе витает запах научных открытий, в коридорах гудят интеллектуальные дискуссии.

Реальность, как выяснилось позже, оказалась куда скромнее. Но главное — это была настоящая работа, а не продажа воздуха в надежде на мифический высокий доход.

В 90-е в названиях учебных заведений произошла настоящая революция. Обычные ПТУ превращались в солидные «профессиональные лицеи», техникумы гордо именовались колледжами. Суть образования оставалась прежней, но звучала теперь куда презентабельнее.

На входе в здание уже красовалась новая вывеска с гордым названием «Профессиональный лицей». Местные жители по старой памяти продолжали называть это место привычным словом — «пэтэушка». Как ни меняй вывески, как ни облагораживай название — в сознании людей учреждение оставалось тем же.

Здание лицея предстало передо мной во всей исторической красе: старое, с величественной лестницей, увешанное портретами и пропитанное аппетитным ароматом свежеиспечённых булочек из столовой.

В офисном отделении меня встретила будущая начальница — Тамара Ивановна Громова. Внушительная дама в строгом синем костюме, с причёской, которая, казалось, выдержит даже ураган. Осанка и манеры говорили сами за себя: она привыкла командовать и не терпела возражений.

— Итак, техник-программист, значит? — произнесла Тамара Ивановна, внимательно изучив мой красный диплом.

— Так точно, — подтвердил я.

— И зачем же нам, по-твоему, лаборант? — её вопрос явно таил подвох.

Я на мгновение задумался. Ответить «чтобы чинить компьютеры» — и услышишь в ответ, что всё и так работает. Сказать «чтобы обучать студентов» — и получишь замечание о наличии преподавателей. Пришлось искать золотую середину:

— Чтобы компьютеры работали, сеть не падала, а студенты не сносили системные файлы.

— Логично, — одобрительно кивнула Тамара Ивановна. — А какие конкретно навыки у тебя есть?

— Могу настроить локальную сеть, собрать компьютер из комплектующих, установить программное обеспечение и устранять неполадки.

— У нас на третьем этаже расположены два компьютерных класса, — сообщила она. — Твоя задача — обеспечивать их работоспособность и сохранность оборудования. Справишься?

— Быстро учусь, — ответил я.

— Все так говорят, — вздохнула заведующая. — Но раз уж пришёл с красным дипломом — попробуем дать тебе шанс.

Мы пожали друг другу руки. Старт был назначен на первое сентября.

Зарплата была настолько скромной, что казалась издевательством над моим дипломом. Перспективы просматривались разве что на год вперёд — не дальше. Зато было главное — стабильность. Настоящая трудовая книжка с первой записью. И никаких тебе Валер с их обещаниями золотых гор.

Я, Алекс Кодов, вышел из здания лицея, чувствуя внутри странное, но приятное тепло. Солнце освещало новую вывеску, и пусть внутри всё оставалось по-прежнему — старое ПТУ с парой компьютерных классов, — сейчас это казалось неважным.

В кармане лежала та самая повестка со штампом «призыв закончился», в голове крутились мысли о будущем. Новая жизнь начиналась не с фанфар и золотых гор, а с простого трудового договора — и после летней продажи воздуха это уже было почти праздником.

Глава 2. Конец августа: явление в лицей

Последние дни августа протекали размеренно и спокойно. Природа, казалось, решила дать мне передышку перед грядущими переменами. Повестка молча лежала на полке, а я почти смирился с мыслью, что беззаботное лето подходит к концу.

И тут тишину разорвал телефонный звонок.

— Алло, это Алекс Наумович? — прозвучало в трубке.

— Ну... да, — ответил я неуверенно.

— Это Тамара Ивановна Громова, заведующая офисным отделением профессионального лицея. Вы должны приступить к работе с первого сентября, но нам необходимо, чтобы вы вышли раньше. Требуется проверить компьютеры до начала учебного года. Завтра в девять утра. Не опаздывать!

В трубке раздались короткие гудки, а я всё ещё стоял с телефоном в руке. С одной стороны, приятно было осознавать, что новая начальница уже думает о работе и обо мне. С другой — фраза «проверить компьютеры» звучала двусмысленно. Словно там такое творится, что без срочного вмешательства всё может окончательно развалиться.

Здание лицея встретило меня запахом свежей краски — к началу учебного года, видимо, сделали косметический ре-

монт. Внутри царила предрабочая тишина, лишь изредка нарушаемая стуком вёдер где-то на этажах.

У входа меня ждала всё та же внушительная фигура. Всё тот же строгий синий костюм, всё та же безупречная причёска — не всякий выдержит августовскую жару.

Вместо традиционного приветствия Тамара Ивановна произнесла:

— О, явился, Алекс Наумович. Идём, покажу твоё хозяйство.

Мы поднялись на третий этаж и свернули в отдельное крыло. Здесь коридор завершался металлической решёткой с калиткой. Заведующая достала ключ, повернула его в замке, и калитка открылась с таким звуком, будто мы входили в сокровищницу.

— А зачем решётка? — поинтересовался я.

— А ты как думаешь? — она взглянула на меня с лёгкой иронией. — Чтобы студенты не проникали в святая святых без присмотра. А то знаешь, какие они изобретательные? Один раз умудрились мышь утащить. Прямо из класса. Потом нашли — в столовой, в супе. К счастью, это была компьютерная мышь.

За массивной решёткой открылось пространство с двумя компьютерными классами и ещё несколькими помещениями. Все двери были аккуратно обиты дерматином — строгие, шумоизоляционные, они создавали атмосферу места, где к учёбе относятся серьёзно.

Я переступил порог первого класса и замер. В помещении выстроились в ровные ряды около пятнадцати компьютеров. Медленно, словно исследователь в музее, я двинулся вдоль рядов, изучая каждый агрегат.

Сердце невольно сжалось — это были IBM PC/AT 286! Сохранившиеся во всей красе: с корпусами цвета выцветшей слоновой кости, с работающей кнопкой Turbo и дисководами на 5,25 дюйма, которые требовали аккуратного закрывания специальным рычажком. Время здесь словно остановилось на заре персональных компьютеров.

Я осторожно прикоснулся к корпусу древней машины. Она осталась неподвижной, и я мысленно поблагодарил судьбу: мысль о том, что реликвия может внезапно ожить, вызывала у меня едва сдерживаемый испуг.

— Работают? — спросила Тамара Ивановна, наблюдавшая за моей реакцией.

— Э-э-э... а они должны? — задал я встречный вопрос, подбирая слова.

— Конечно, должны, — твёрдо ответила она. — Хотя, признаться, их желание работать — это уже другой вопрос.

Второй класс встретил меня беспорядочно выстроенными ветеранами — тоже около пятнадцати машин: Pentium I вперемешку с 486-ми, серые бок о бок с бежевыми, у каждого свой характер — у кого вертикальный дисковод, у кого горизонтальный. На некоторых корпусах гордо поблёскивали наклейки «Intel Inside» — словно ордена за заслуги перед

компьютерной наукой.

— А вот здесь у нас сборная солянка, — Тамара Ивановна широким жестом обвела помещение. — Главное, чтобы вся эта техника хотя бы запускалась.

Пара компьютеров на учительском столе заметно выделялась на фоне остального парка.

— А это что за модели? — спросил я, указывая на «избранников».

— А это наши новосёлы, — с ноткой гордости в голосе пояснила заведующая. — Целых два новеньких аппарата! Один предназначен для преподавательницы информатики, второй — для меня. И запомни: к ним даже не пытайся прикасаться! Они только-только прибыли в наш лицей, и я не допущу, чтобы с ними что-то случилось.

Я с благоговением уставился на эти два величественных аппарата. Pentium II! В 1997 году эти машины были настоящей легендой компьютерного мира — два роскошных «Феррари» в гараже, заполненном старенькими «Запорожцами».

— А сеть у нас есть? — спросил я, припоминая свои дипломные разработки.

— Сеть? — переспросила она. — Ты имеешь в виду какие-то провода?

— Ну да. Локальная сеть между компьютерами...

— А, это, — она небрежно махнула рукой в сторону классов. — Там какие-то провода есть, я в них не лезу. Мне говорили, что сеть имеется, но как она функционирует — это

уже не моё дело. Ты же у нас специалист по компьютерам. Вот и разбирайся.

— А если она не работает?

Заведующая на секунду задумалась.

— Тогда придумай что-нибудь. Можешь сделать вид, что так и было задумано, а можешь починить. Главное, чтобы студенты не запутались в этих проводах и не устроили короткое замыкание.

Внутри всё похолодело, но я быстро взял себя в руки: с сетью разберусь сам. Изучу документацию, проверю соединения, протестирую каждый узел — только не сейчас и не при начальнице. Пусть думает, что я всё держу под контролем.

— А принтеры у нас имеются? — осмелел я.

— Конечно, есть. По одному в каждом классе.

— А бумага? Лента?

— Бумага? — заведующая усмехнулась. — О, с ней у нас особый порядок. Выдаётся строго по праздникам и только по специальному учёту. Как и красящая лента для принтеров. Всё под контролем, всё учтено.

Я наклонился и заглянул под стол. Там притаилась старая мышь — с шариком. Шарик был настолько покрыт пылью, что выглядел почти самостоятельным организмом: казалось, он не просто живёт, а потихоньку плодится прямо на месте. Коврика не было и в помине — вместо него к столу скотчем примотали кусок линолеума.

— Итак, — Тамара Ивановна оглядела класс, — необхо-

димо привести всё в надлежащий порядок и тщательно очистить. К началу учебного года техника должна выглядеть как новенькая.

Я посмотрел на вентиляционные решётки, забитые пылью, и уточнил:

— А внутреннюю чистку системных блоков тоже нужно проводить?

Тамара Ивановна уставилась на меня так, будто я предложил искупать компьютеры в мыльной воде.

— В смысле — внутри?

— Ну да, внутри. Там же скапливается пыль. Между платами, в блоке питания, на вентиляторах.

Она подняла руку, останавливая меня:

— Погоди-погоди. Ты хочешь сказать, что эти компьютеры тоже нужно чистить изнутри?

— Да, — ответил я. — Это стандартная процедура. Пыль забивает систему охлаждения, компьютеры начинают перегреваться и могут выйти из строя.

Для неё это стало откровением. В её картине мира компьютер был загадочным чёрным ящиком: работал, пока внезапно не отказывался это делать. Оказалось же, что внутри у машины — целая экосистема, требующая ухода.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно произнесла она, — что нам нужно разбирать эти компьютеры и чистить их внутри? Как какой-то пылесос или холодильник?

— А как ты собираешься это сделать? — в голосе Тамары

Ивановны прозвучало явное подозрение, будто я планировал нечто незаконное.

— Ну что тут сложного? — ответил я как можно спокойнее. — Открою корпус, продую от пыли, почищу контакты. Обычная процедура технического обслуживания.

— Откроешь корпус? — повторила она так, будто я собрался вскрыть сейф с государственной тайной. — И потом обратно закроешь?

— Конечно. Постараюсь сделать всё аккуратно и правильно. Я часто такое делал.

— А если не сможешь закрыть?

Она отступила на полшага.

Я сделал вид, что размышляю:

— Ну... В таком случае... починю.

— Вот это уже более конструктивный подход, — одобрительно кивнула она. — Ладно, приступай к работе. Но учти: к первому сентября всё должно сиять как новенькое. И чтобы ни один винтик, ни одна деталь не потерялись!

— А если вдруг что-то останется лишнее? — не удержался я от вопроса.

Тамара Ивановна посмотрела на меня с улыбкой, в которой читалось лёгкое превосходство:

— Тогда, дорогой мой, я лично прослежу, чтобы ты эту деталь съел. В качестве наказания за неаккуратность.

Я благоразумно решил не выяснять, насколько серьёзна эта угроза. Некоторые вещи лучше оставлять без уточнения.

— Пойдём, познакомлю тебя с коллективом, — Тамара Ивановна развернулась и уверенно направилась к выходу. Она шла впереди, словно генерал, ведущий новобранца на смотр войск. В коридоре было прохладно и пахло старой штукатуркой; где-то вдалеке слышался шум лицея, готовящегося к новому учебному году.

Первой значилась, разумеется, сама Тамара Ивановна Громова — властная заведующая офисным отделением, совмещающая эту должность с преподаванием офисной техники. В её ведении находились не только современные по тем временам факсы и копировальные аппараты, но и... телетайпы.

Телетайпы в 1997 году! В эпоху, когда мир уже шагал в сторону интернета. Но реальность оказалась консервативнее: в стенах этого учебного заведения они не просто существовали, а исправно работали — и были частью образовательной программы.

— Телетайп — это серьёзное дело, — произнесла Тамара Ивановна с такой интонацией, будто речь шла о музейном экспонате. — Его не каждый может освоить, и не каждый студент способен справиться с этой техникой. Требуется особое терпение и понимание.

Второй в списке — преподавательница информатики Людмила Аркадьевна Соловьёва. Ей было лет сорок, не больше, но выглядела она так, будто за плечами у неё целая эпоха: в усталых глазах читались тысячи уроков, сотни

контрольных и бесчисленные попытки объяснить двоичную систему счисления тем, кто не хочет её понимать. На лице застыло выражение «Я видела всё, но продолжаю улыбаться». Она медленно оглядела меня с головы до ног — так, как смотрят учителя, когда пытаются за полсекунды сложить портрет нового человека из рюкзака, взгляда и того, как он держится у порога.

— Сможете вести практику? — спросила она, глядя на меня с прищуром.

Я замялся:

— Даже не знаю...

Она усмехнулась, словно ожидала подобной реакции:

— Всё просто: я буду говорить вам, что нужно делать, а вы — выполнять. Только не наоборот, договорились?

— Договорились, — согласился я.

Третьей значилась Ирина Викторовна Каменева, преподавательница делопроизводства. Ей было около тридцати — возраст, когда строгость ещё не стала привычкой, а оставалась осознанным выбором. В руках она крепко держала папку, будто это был главный аргумент в любом споре. Тёмные волосы были собраны в тугой, безукоризненный пучок, а строгий костюм сидел так, словно был сшит специально для того, чтобы никто не сомневался в её авторитете. Очки в тонкой оправе чуть сползли вниз, и, когда она подняла на меня взгляд, показалось, что она не просто смотрит — она сканирует: я был документом, который ей предстояло про-

верить на ошибки, опечатки и несоответствия.

— Молодой человек, — обратилась она ко мне, — а вы умеете оформлять документы?

Я немного растерялся:

— В каком смысле?

Она удивлённо подняла бровь:

— В самом прямом. Имею в виду составление деловых писем, заявлений, приказов.

Я постарался ответить уверенно:

— Ну... в общем, да, могу.

— Отлично, — её лицо просветлело. — Мне как раз необходим человек, который не только умеет нажимать на нужные кнопки, но и не путается в них. Ваши навыки будут очень кстати.

Четвёртой была Нина Фёдоровна Птицына, преподавательница машинописи. Женщина предпенсионного возраста, невысокая, с лёгкой, почти невесомой походкой — будто привыкла не шуметь даже в пустом классе. На ней было простое шерстяное платье в мелкую клетку и тёплый кардиган: в таком удобно сидеть за машинкой часами. Пальцы, тонкие и жилистые, с чуть выступающими суставами, казались живыми инструментами — они могли отстучать любой текст быстрее, чем я успевал придумать фразу. Нина Фёдоровна улыбнулась мне так тепло и просто, будто мы сто лет знакомы; в улыбке не было ни капли учительской строгости — только доброе «ну, давай, покажу, как тут у нас всё устроено».

— А печатать вы умеете? — спросила она.

— Слепым методом? К сожалению, нет.

Она отмахнулась:

— Ничего страшного. Мы здесь все когда-то были в таком же положении. Всему можно научиться. Главное — желание и готовность работать.

— Так, — Тамара Ивановна бросила взгляд на наручные часы, и голос её стал деловым и решительным, — до первого сентября осталась всего неделя. Наша задача — проверить каждый компьютер. Включить, убедиться, что всё работает. И чтобы к утру тридцать первого числа всё было готово к началу учебного года. Есть вопросы?

В голове крутились вопросы пострашнее: а если я случайно что-то испорчу? А если меня не просто уволят, а сразу отправят в армию — за поломку? Но вслух я произнёс только:

— А если какой-то компьютер не работает?

— Тогда починишь, — последовал уверенный ответ.

— А если не получится починить?

Тамара Ивановна помолчала, а потом произнесла:

— Тогда... сделай вид, что так и должно быть. Главное, чтобы к первому сентября всё выглядело полностью готовым к работе.

С этими словами я остался один на один с двумя классами за решёткой, толстым слоем пыли, матричными принтерами и старым коаксиальным кабелем, который, казалось, осуждающе смотрел на меня своими медными жилами.

Глубоко вздохнув, я распахнул окно, впуская свежий воздух, и закатал рукава рубашки. Впереди была непростая работа: проверка каждого компьютера, чистка от пыли, настройка сети.

Глава 3. Битва с пылью, грязью и винтами

До начала учебного года оставалась неделя. Передо мной раскинулись два компьютерных класса: около тридцати системных блоков с поблёкшими наклейками и таким слоем пыли, что их, вероятно, не вскрывали с момента установки.

Я стоял посреди этого технического наследия, вооружённый красным дипломом и юношеским оптимизмом. В голове жила наивная уверенность: что тут сложного? За пару часов управлюсь. Но чем дольше я осматривал хозяйство, тем яснее становилось: каждый компьютер требует внимания, а всё это нужно успеть до первого сентября.

Первым делом я решил навести порядок с инструментами. В лаборантской — каморке между классами — громоздились шкафы, коробки из-под принтеров и загадочные металлические детали. Среди этого складского беспорядка мой взгляд упал на ящик с надписью «Крепёж».

Внутри ждала россыпь винтов всех размеров, шурупов, саморезов, непонятных стоек, гаек и даже одинокая ржавая монета. И до меня дошло: это не хранилище крепежа, а могила для винтиков, которые когда-то украшали компьютеры, а теперь устроили здесь свой беспорядочный приют.

Единственным инструментом оказалась старая отвёртка.

Потрёпанную ручку будто долго и упорно грыз какой-то настойчивый зверь, а жало, повидавшее, наверное, ещё первые ЭВМ, вызывало сомнения в собственной работоспособности.

Вздохнув, я направился в первый класс — предчувствуя, что одной отвёрткой с тридцатью системными блоками мне не справиться.

Внешний вид компьютера обманчив. Снаружи — респектабельный джентльмен в костюме: опрятный корпус с наклейкой «Intel Inside», ни намёка на проблемы. Но стоило снять крышку — открывался апокалипсис, достойный полотен Иеронима Босха.

Внутренности представляли собой музей ужасов:

— плотный слой пыли, похожий на войлочную подкладку;

— комки шерсти неизвестного происхождения;

— высохшие останки насекомых;

— обрывки бумаги — словно записки от призраков прошлого;

— непонятный белый порошок (надеюсь, штукатурка);

— и, как финальный аккорд, — засохший тёмный комок, который я благоразумно решил не идентифицировать.

Я быстро сообразил: дальше так не пойдёт — нужна продувка. Взгляд зацепился за старую «Ракету» в углу лаборантской: массивный металлический корпус, длинный гофрированный шланг, насадки в ряд. При одном взгляде на неё вспоминался оглушительный рёв: не насос, а небольшой вер-

толёт, решивший взлететь прямо посреди кабинета.

— А он вообще рабочий? — обернулся я к Тамаре Ивановне: она как раз заглянула проверить, не устроил ли я тут погром.

— Рабочий, — кивнула она, чуть приподняв брови. — Учти: он только всасывает. Как ты собираешься им продувать?

Я замер, мысленно прокручивая устройство «Ракеты». Всасывает… Это вроде бы тупик. А может, и нет.

— А если шланг перекинуть на выходное отверстие? — выпалил я. — У «Ракеты» же два порта: один на втягивание, другой на выдув. Если переставить — получится компрессор.

Тамара Ивановна посмотрела на меня по-новому: не как на растерянного новичка — как на человека, который хоть что-то понимает в старой технике. Но сомнение в её взгляде всё равно читалось.

— Попробуй, — сдержанно сказала она. — Только аккуратно. Он у нас один, и если сломаешь — нигде такой не достанешь.

Я перекинул шланг на выходное отверстие — щёлкнул фиксатор, и всё встало на свои места. Дрожащими пальцами я потянул рычаг.

«Ракета» взревела, как взлетающий реактивный двигатель. Задребезжали стёкла в старых рамах, по комнате прокатилась волна воздуха. Из шланга вырвался такой мощный

поток, что он в одну секунду смахнул со стола стопку бумаг — те разлетелись веером, будто испуганные птицы. Бедный кактус на подоконнике едва устоял: его качнуло, иголки встопорщились от возмущения, и на миг показалось, что горшок сорвётся с места и отправится в самостоятельный полёт.

Кактусы в лицее и правда были повсюду — рядом с каждым компьютером, на шкафах, даже на полочках над досками. Молчаливые старожилы: годами видели всё — уроки, поломки, попытки «починить одним кликом». Тихие, колючие, но свои.

Отлично. Импровизированная продувка была готова.

Первым на очереди оказался тот самый 286-й системный блок из первого класса. Осторожно открутив винты, я снял крышку: внутри всё было затянуто серой пеленой; платы, похоже, не трогали с момента установки. Я поднёс шланг вплотную к внутренностям блока и, набрав воздуха, нажал на кнопку включения.

Пыль взметнулась густым облаком, плотным, как туман в тесном коридоре. Оно накрыло меня в одну секунду, забилось в нос, царапнуло горло, и я закашлялся так, что перед глазами поплыли круги. Отступив на шаг, я с досадой подумал, что надо было надеть хоть маску, а лучше вообще противогаз — предусмотрительность, а не чудачество.

— Ты чего там, Алекс Наумович? — крикнула Тамара Ивановна из коридора.

— Всё нормально! — крикнул я, вытирая лицо рукавом. — Пыль выходит!

— Куда выходит?

Облако, кружась, медленно оседало — на столы, клавиатуры, мониторы, тяжёлые шторы… и на меня. Вся взвесь, которую я так старательно выдувал из блока, просто вернулась в комнату. Строго по кругу: из корпуса — в воздух — и снова на всё, что тут стояло.

— Выходит, — повторил я. — Наружу. В смысле — из компьютера.

— А куда надо?

В голове щёлкнуло: «А куда она вообще должна деваться?» В окно. На улицу. Хоть в космос — куда угодно, только не обратно на клавиатуры и мониторы.

— Сейчас организую, — сказал я и открыл окно.

Окно поддалось не сразу — скрипнуло, застонало — не иначе, как обижалось, что его потревожили. Похоже, его не открывали с прошлого учебного года: на петлях поблёскивал слой пыли. Но всё-таки открылось.

Пыль, почуяв свободу, рванулась к щели тонкой струёй. Часть её осела на подоконнике серой каймой, но это была мелочь: главное, поток уходил прочь, а не кружился по комнате. Я наклонил голову, вдыхая прохладный воздух с улицы, и вместе с ним, казалось, улетала и тяжесть предстоящей работы.

Час спустя я закончил продувать первый системник. Вме-

сто пыльного войлока теперь проступали платы, дорожки, разъёмы — словно машина стряхнула с себя годы запустения. Я приставил крышку, взял винты и принялся закручивать.

Первый пошёл легко. Второй тоже не сопротивлялся. Третий потребовал усилия: резьба цеплялась нехотя. А четвёртый встал намертво — крутился, упирался, но не шёл ни вперёд, ни назад.

Я присмотрелся к отверстию, потом к винту. Слишком короткий? Слишком длинный? Или резьба не та?

Тогда я полез в ящик «Крепёж» — и увидел весь масштаб беды. Винты были, целая горсть, но все разные: одни с широкой шляпкой, другие с тонкой резьбой, третьи — вообще от какой-то другой техники. Я перебирал их один за другим, прикидывал к отверстию — и с каждым вариантом надежда таяла.

Я застыл над ящиком, сжимая очередной винт, и на секунду почувствовал себя тем самым новичком с красным дипломом, который вдруг понял: теория — это одно, а подбор винта в пыльном ящике — совсем другое.

— Да не переживай так, — сказала Тамара Ивановна, заглянув в класс. — У нас тут всё на честном слове держится. И на скотче.

— Скотч! Ну конечно! — пронеслось у меня в голове, будто я только что изобрёл вечный двигатель. Я отмотал кусок, приложил к стыку крышки и корпуса, хорошенько прижал,

разглаживая ладонью.

Отступил на шаг и оглядел дело рук своих. Держится. «Наверное, какое-то время продержится», — мысленно добавил я, стараясь не замечать, как эта временная мера спорит с моим дипломом. Но сейчас дело было не в эстетике — а в том, чтобы крышка не отвалилась, пока я донесу системник на место.

К четвёртому системнику я вошёл в ритм: продувка, чистка, крышка, вечная охота за подходящими винтами.

А винты… С ними было отдельное приключение. У них словно был свой характер и свои законы физики. Стоило чуть ослабить хватку — и они решали, что пора в путешествие: падали, звонко щёлкали по металлу, катились по полу, ныряли в тёмные щели между линолеумом и плинтусом — и растворялись, как не бывало.

Я научился предугадывать побеги: придерживал крышку одной рукой, а второй лихорадочно нащупывал винт, пока тот не сбежал. Пару раз приходилось вставать на четвереньки и шарить под шкафами, выгребая заодно десятилетнюю коллекцию скрепок и прочей кабинетной археологии.

К концу первого дня я привёл в порядок шесть системников. Усталость навалилась такая, словно разгрузил целый вагон кирпичей: руки гудели, а в голове крутилась одна мысль — «ещё чуть-чуть, и просто упаду».

Но вместе с усталостью было и упрямое удовлетворение. Пусть всё местами держалось на скотче и везении — эти

шесть машин теперь выглядели не как груды пыли, а как техника, у которой есть шанс проснуться. «Завтра — с остальными», — подумал я, заранее чувствуя, как снова будет ныть спина. Но сейчас это даже радовало: была цель, был план, и было ощущение, что я хоть что-то сдвинул с мёртвой точки.

На второй день я возился с очередным системником — уже почти на автомате продувал, протирал, укрощал вечно сбегающие винты. И тут в дверях класса возник человек.

Немолодой, чуть сутулый, ростом ниже среднего — такой, что, казалось, годами пригибался, чтобы удобнее заглядывать под столы и в недра шкафов. На нём был объёмный свитер крупной вязки, местами потёртый — столько в нём читалось историй про бесконечные ремонты и попытки оживить технику «на коленке». На носу — очки с толстыми линзами, в которых глаза казались крупнее и особенно внимательными. В руке — особый чемоданчик: тяжёлый, с потёртыми углами и надёжными защёлками. Такой бывает только у техника: внутри — аккуратные отделения, инструменты, паяльник, запас деталей, который собирался годами. Целая философия: «бери и чини», без лишней суеты и красивых слов.

Он окинул кабинет — не спеша, по-хозяйски, сразу отмечая, где что не так. Затем поднял бровь, оценив масштаб работ, и тихо, без пафоса, произнёс:

— Новенький?

— Лаборант, — представился я. — Алекс. С первого сентября.

— А, значит, это ты у нас теперь за компьютеры отвечаешь, — он усмехнулся. — Ну-ну.

По его взгляду за толстыми стёклами очков я понял: это не просто визит, а проверка. Не столько моих стараний, сколько всего импровизированного «ремонтного цеха» — пыльных корпусов, крышек на скотче и убегающих винтов. От этого взгляда становилось и неуютно, и по-особенному ответственно.

— Павел Павлович Дёмин, — негромко произнёс он, ставя чемоданчик на край стола. — Но можете звать меня Пал Палыч — так меня все и зовут. Я тут вроде как на подхвате: основная работа у меня в издательстве, а сюда заглядываю раз в неделю. Привожу в чувство всё, что решило заискрить, задымиться или просто отказаться включаться. Компьютеры, принтеры, копиры, факсы… Да хоть телетайпы — хотя с ними лучше не связываться, себе дороже выйдет.

— А почему?

— Потому что они работают по своим законам, — загадочно ответил Пал Палыч. — И, судя по всему, по законам другой вселенной.

Он распахнул чемоданчик — защёлки щёлкнули, как команда к началу, — и вынул паяльник. Подержал его в руке, привычным движением проверил, всё ли на месте, и перевёл взгляд на системник, который я только что продул. Смотрел, будто считывал с корпуса целую историю: сколько лет машине, где чаще всего грелось, какие платы уже на последнем

издыхании.

— Пыль чистил? — спросил он.

— Чистил.

— Внутри?

— И внутри тоже.

Пал Палыч хмыкнул.

— А заведующая знает, что ты внутрь лазил?

— Уже знает. Ей не понравилось, но она разрешила.

— Ладно, — кивнул он. — Она у нас не терпит самодеятельности. Был тут случай — разобрал я как-то принтер, чтобы плату пропаять, а выглядело это, честно говоря, как полноценный демонтаж. Так она на порог зашла — и чуть не пригвоздила взглядом. «Ты что наделал? Зачем сломал?!» — кричит. А я-то как раз чинил! Просто в процессе всё на винтики рассыпалось, вот и казалось, что не ремонт, а разборка на запчасти.

Он помолчал и продолжил спокойнее:

— Потом-то она убедилась, что всё работает, даже спасибо сказала. Но вид такой сделала, что до сих пор подозревает: я всё это раскручиваю — для тренировки.

Я понял, что нашёл родственную душу.

Пал Палыч быстро осмотрел системник, потыкал пальцем в блок питания, покачал головой.

— Конденсаторы вздулись, — сказал он. — Не страшно, но скоро менять. Пока работает — не трогай. Пусть живёт.

— А вы давно тут?

— Да лет пять уже, наверное. Сначала-то я просто зашёл копир починить. Потом принтер. Потом компьютер. А потом гляжу — работы тут столько, что на годы хватит. Так и прикипел.

Он пожал плечами, словно сам не понимал, как разовый визит превратился в постоянную обязанность.

— А сюда хожу, когда что-то совсем припечёт. То сеть ляжет, то монитор начнёт показывать полоски, будто решил в абстракционизм поиграть… Тут уж не до расписания.

Потом тише, почти про себя:

— Главное — не дать всему этому окончательно встать. Пока крутится — значит, живёт.

— А в издательстве что делаете?

— Да примерно то же самое. Компьютеры, принтеры, вёрстка — техника везде техника. Только там начальство каждый день на взводе: сроки горят, макеты не сходятся, кто-то шрифт не тот поставил… Нервы треплют будь здоров. А здесь тишина, на подоконнике кактусы пылятся, студенты по своим делам бегают, никто не орёт про дедлайны. Вот и выходит — благодать. Тут можно спокойно плату осмотреть, подумать, где контакт окислился, не оглядываясь каждые пять минут на часы.

Он чуть улыбнулся — так делятся маленькой слабостью:

— Иногда именно такая тишина и нужна — чтобы починить не только технику, но и собственные нервы.

Потом он заметил полоску скотча, державшую крышку.

Смотрел без упрёка — скорее с той смесью иронии и понимания, какая бывает у мастеров, повидавших не один «полевой ремонт». В этом скотче он, кажется, прочёл всю историю моих поисков винтов и ползаний под столами.

— Скотч — это, конечно, отдельный вид искусства, — пробормотал он и наклонился к корпусу, приоткрыв крышку ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь. — Давай-ка посмотрим, что там внутри живёт… и что ещё хочет умереть.

Осмотрев системник и убедившись, что кроме тех самых конденсаторов всё в порядке — платы на месте, контакты чистые, ни налёта окислов, ни тёмных пятен, — он удовлетворённо кивнул. Затем полез в чемоданчик и достал коробочку с винтами.

— У меня всё есть. И винты, и гайки, и стойки. Даже такие, которых уже не делают. Я с собой всегда вожу — вдруг где что отвалится.

Он перебрал винты, выбрал четыре одинаковых — с нужной резьбой и длиной — и протянул мне:

— Держи. Пусть теперь держится как положено. Не на честном слове, а на крепкой резьбе.

Я взял винты, ощущая приятную тяжесть металла в ладони — совсем не то, что липкая лента. После вчерашних мучений с поиском и примерками эти четыре винтика казались ценнее любого сокровища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.